

Андрей Гуськов

Рец. на: Вести-Куранты. 1671—1672 гг. / Подготовка текстов, исследования, комментарии, указатели И. Майер, С.М. Шамина, А.В. Кузнецовой, И.А. Корниловой и В.Б. Крысько при участии Е.В. Амановой; под ред. В.Б. Крысько и И. Майер. М.: Азбуковник, 2017. 806 с.

Andrey Guskov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Vesti-Kuranty. 1671—1672 gg. Moscow, 2017

DOI:

Издание является продолжающейся серийной публикацией материалов XVII в., включающих обзоры европейской прессы (куранты), которые составлялись в Посольском приказе и носили компилятивный характер. Представленный седьмой том содержит источники за 1671—1672 гг.

Куранты на протяжении многих десятилетий плодотворно изучали как зарубежные исследователи Д.К. Уо (D.C. Waugh)¹, Р. Шибли (R. Schibli)², И. Майер (I. Maier)³, так и российские учёные Е.И. Кобзарева⁴, С.М. Шамин⁵ и др. За это время установлено, что со времени правления царя Алексея Михайловича, особенно после учреждения регулярной почты, куранты стали играть заметную роль в формировании внешней политики России.

Ещё современник, австрийский дипломат Августин Мейерберг, пребывавший в Москве в 1661—1662 гг., писал: «При переговорах они оказываются самыми непостоянными. Особенно потому, что наибольшая важность доказательств зависит у них только от известий, напечатанных в “еженедельных Меркуриях” прусаков и голландцев, занесённых в Москву, да ещё в превратном виде, иноземными купцами; они слушают их точно ответы с треножника Дельфийского оракула»⁶.

Негативная оценка курантов Мейербергом связана с тем, что получаемая по этому каналу в Москве оперативная информация о положении дел в Европе мешала представителю Священной Римской империи вести переговоры так, как ему было выгодно.

Е.И. Кобзарева, специально изучавшая роль курантов в сношениях России с Англией, отметила, что со второй половины XVII в. «иностранные газеты стали для Посольского приказа основным источником информации о событиях в Англии. Газеты содержали более подробные и точные сведения, чем сведения, поступавшие в приказ по каналам дипломатических сношений»⁷.

Поскольку куранты зачитывались государю и боярам 1—2 раза в неделю, они становились основным источником, по которому русское правительство формировало свои представления о текущей политической ситуации в Европе. В результате на повестку дня следует поставить утверждение о невозможности изучения внешней политики России второй половины XVII в. без учёта материалов курантов.

В последние годы интерес к изучению курантов заметно вырос, в том числе и в диссертационных исследованиях по внешней политике Московского государства⁸. Однако использование их материалов остаётся скорее декларацией, чем реальной исследовательской задачей. Возможно, это связано с недостаточной доступностью источника. С этой точки зрения публикация нового тома «Вестей-Курантов» должна стать стимулом к более широкому использованию этих материалов в работах учёных.

Рецензируемая книга подготовлена в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН коллективом из отечественных и шведских учёных. Финансовую поддержку осуществляли РГНФ и Юбилейный

фонд Шведского государственного банка. Издание осуществлено на средства РФФИ. Последний факт оставляет надежду на достаточно оперативное обеспечение экземплярами тома ведущих библиотек и собраний страны, а также на возможность появления электронной копии в WEB-пространстве (без чего в современных реалиях невозможно нормальное существование научных изданий в интеллектуальном поле исторического познания).

Помимо собственно текстов курантов на русском языке и иностранных оригиналов (на немецком, голландском и латинском) издание содержит обширное введение, четыре указателя (апеллятивной лексики, личных имён и притяжательных прилагательных от личных имён, географических названий и иных имён собственных) и иллюстративный материал.

В основе издания лежат правила лингвистической публикации памятников письменности средневекового периода. В тексте сохранены все буквы существовавшего тогда алфавита и знаки препинания, выносные вставлены в строку курсивным написанием, сокращения и аббревиатуры остались без изменений. Осуществлена разбивка сплошного текстового материала на слова. Для максимального приближения к скорописным оригиналам издатели впервые применили акцентуацию слов (расстановка знаков ударения). С целью надежной интерпретации и достоверности составители-лингвисты использовали три знака ударения (оксия, вария и камура) при сохранении других надстрочных элементов: краткая, паерок и простое титло.

Включение в состав издания иностранных оригиналов газет, получившее апробацию в шестом томе⁹, оказалось востребованным в научном сообществе. В настоящем издании параллельная публикация первоисточников курантов (европейской прессы) продолжена. В то же время составители предложили новый порядок расположения сводок. В прежних изданиях использовалась хронологическая последовательность, по дате наиболее поздней статьи, что нарушало оригинальный «приказный» регламент. Теперь же, благодаря скрупулёзной археографической подготовке, куранты удалось расположить в порядке составления сводок, максимально приблизив их к состоянию, характерному для XVII в.

Всего в сборнике представлено 30 сводок (по 36 комплектам газет) за 1671 г. и 170

26 — за 1672 г., что составляет примерно $\frac{1}{3}—\frac{1}{5}$ часть от возможного числа курантов. Иностранные оригиналы включают 333 газетные статьи, послужившие источниками для русских текстов.

Одно из важнейших достоинств сборника — наличие развернутого историко-археографического введения. Оно включает фактически исчерпывающий комплекс исторических и издательско-кодиологических данных о публикуемых материалах. Историческая справка о доставке в Москву зарубежной прессы, её обработке и хранении даёт представление о механизме и особенностях составления обзоров европейских газет, предназначенных для государя и высших сановников¹⁰.

Составители отмечают одну из особенностей курантов 1671—1672 гг. — появление комментариев на полях сводок, являвшихся известным феноменом русской письменной культуры того периода. Дополнения такого рода носили справочный характер, преследуя цель пояснить читателю неизвестные политические, географические, исторические, культурные и прочие объекты и явления. В качестве небольшой ремарки следует отметить, что слово «пас» (поясняемое на с. 8 как «проезжая грамота») со временем вошло в приказной обиход и в конце XVII в. использовалось в делопроизводстве как синоним соответствующего документа¹¹.

В целом можно констатировать исчерпывающий характер материалов, представленных в рецензируемом издании. В данном томе составители сумели представить своеобразный эталон историко-лингвистической публикации, удовлетворяющий взыскательным потребностям специалистов соответствующих профилей.

Научная ценность публикации обеспечена обеспечением доступа к материалам, ранее известным лишь узкому кругу специалистов. Нет никаких сомнений, что сведения, содержащиеся в курантах, востребованы при изучении самого широкого профиля исторических дисциплин: истории государственности и религиоведения, истории международных отношений и военных конфликтов, культурологии и генеалогии. В курантах получили отражение события, происходившие в большинстве стран Европы (Англия, Нидерланды, Священная Римская империя, Испания, Речь Посполитая, германские и итальянские государства) и некоторых азиатских державах (Оттоманская Порта, Крымское ханство, Персия, арабские

государства). Понятно, что подавляющая часть известий посвящена фактам политической истории (включая информацию о войнах и сражениях, восстаниях и бунтах, эпизодах жизни правителей и членов их семей) и описаниям экстраординарных природных явлений (бури, смерчи, ураганы, град, затмения солнца и т.д.). Однако разыскательный специалист найдет здесь сведения о торговле и экономике (например, прибытие в тот или иной город кораблей с товарами), истории быта и межличностных взаимоотношений (например, известие о самоубийстве датчанина из-за неразделенной любви) и т.д.

Анализ вспомогательных материалов, включающих комментарии на полях и иностранные оригиналы газет, позволяет лучше узнать «кухню» приказной работы по составлению документов, предназначенных для русского царя. Встречающийся выборочный характер перевода, пропуски части статей-первоисточников и некоторая «вольность» в передаче содержания позволяют высказать предположение о возможных попытках влияния руководства российского дипломатического ведомства на формирование внешнеполитических предпочтений монарха. Тем более что лица, возглавлявшие Посольский приказ в 1667—1689 гг. (за одним исключением), являлись по сути главами неформального правительства при особе царя.

Некоторые сомнения вызывает предположение (с. 9), что русские дипломаты могли использовать для давления на поляков публикацию, в которой сообщалось о вручении московскому посланнику отпускной грамоты канцлером «вопреки обычаю». Такое событие, наоборот, свидетельствовало об умалении «чести московского государя» и могло привести к продолжительным спорам о достоинстве правителей. В международных отношениях той эпохи статус монарха, а особенно его признание европейскими правительствами, играли важнейшую роль в дипломатии. Малейшая уступка, например, в порядке очередности посольских визитов¹², давала повод к уменьшению достоинства правителя-оппонента. Скорее всего, данная запись была нужна для указания на неприемлемость возникшего опасного прецедента и требования точного соблюдения посольского церемониала (т.е. вручения ответной грамоты только королём).

Издание по традиции имеет название «Вести-Куранты», но фактически оно содержит лишь собственно куранты. В предыду-

щих же томах публиковались и вестовые материалы, по тем или иным причинам оказавшиеся в одних делах с курантами. С одной стороны, данный подход можно одобрить, поскольку теперь читатель имеет дело с конкретным источником, использовавшимся в государственном управлении. С другой стороны, за рамками публикации остались другие материалы, представляющие безусловный интерес для истории внешней политики России. Так, в опубликованном издателями описании дел указаны: памфлет, направленный против короля Яна Казимира (пародирующий молитву «Отче наш»), и окружное послание папы Римского (с. 17). Не вошли в издание помещённые в одно дело с курантами распросные речи греческих купцов и полонянников (с. 19—20), а также описание знамений в небе над Венгрией и сочинение о демонах (с. 20). Эти тексты опубликованы в отдельных статьях¹³, однако издавались они по разным археографическим правилам, и разыскивать отдельные тексты по разным журналам и сборникам сложно. Зачитывавшиеся государю тайные известия из Варшавы (с. 19) вообще остались не изданными. Представляется целесообразным публиковать подобные материалы отдельным приложением с собственным словоупотреблением.

В описании архивных дел в таблицах в графе «Содержание публикуемых материалов и кодикологические сведения» (табл. 3) при описании материалов иногда используются самоназвания документов («Перевод с немецких и 3 галанских печатных и с писменных курантов»), а иногда — названия данные издателями («Фрагмент сводки курантов»). Аналогичным образом в табл. 5 в графе «Дата, содержание материалов и кодикологические сведения» видим, как издательские наименования (Вестовые материалы), так и пространные самоназвания («Выписано из грамоток, каковы писали к иноземцу к Петру Марселису из Гданска Данила Брандес да из Датской земли Павел фан Клингенберх, присланы чрез виленскую почту в нынешнем во РП-м году июня в КВ де»). Такой подход неоправданно увеличивает объём текста. Возможно, громоздкие самоназвания стоило бы оставить лишь для тех текстов, которые по какой-то причине в издание не вошли. В остальных случаях следовало бы использовать краткие издательские наименования. Кроме того, выбор публикаторами принципа описания материалов никак не обозначен.

Осторожнее следует использовать материалы о составе повытий Посольского приказа, приводимые в известном труде С.А. Белокурова¹⁴. Их интерполяция на другие временные интервалы, прямо не указанные в документах, могут приводить к погрешностям. С одной стороны, следуя мысли С.М. Шамина (автора историко-археографического введения), логично предположить, что в 1671 и 1672 гг. обработка курантов осуществлялась в повытье старого подьячего Семена Протопопова, что совпадает со сведениями за 1675 г. (с. 7). С другой — архивные изыскания показывают, что состав и руководство подразделений приказа не были стабильны и могли изменяться до 1—2 раз в год. Согласно обнаруженным на настоящий момент приказным документам до середины 1673 г. в составе повытий не упоминается ведение «курантами». Иным был и состав отделов: «гишпанские» дела курировал Степан Полков во втором повытье, а «папины» и «италианские» князей — Пётр Долгово в третьем. 29 августа 1673 г. был сформирован очередной состав повытий, в котором «куранты», вместе с Новомещанской (Мещанской) слободой, впервые появились в числе дел четвёртого места. Данный «департамент», включавший также дела испанские, «папские», итальянские, торговых «московских иноземцев» и «мастеровых людей иноземцев», возглавил Борис Михайлов, переведённый из подьячих средней статьи. В марте 1674 г. его сменил Максим Бурцов, а в декабре того же года — Семён Протопопов. И лишь с января 1675 г. мы можем видеть тот состав структурных частей российского внешнеполитического ведомства, которое приводит исследователь.

В будущем авторам-составителям публикации было бы полезно составить (в качестве дополнительного справочного материала) список переводчиков Посольского приказа, которые могли участвовать в работе над курантами¹⁵.

Подводя итог, следует отметить высочайший уровень профессионализма авторов и составителей издания. Его основным достоинством является комплексный научный подход к подготовке материалов. Книга обладает высокой научно-практической значимостью для языковедов, историков и этнографов, изучающих лексикографию и лексикологию, отечественную и всеобщую историю середины XVII в., культурные и научные феномены. Серия публикаций курантов, этого уникального памятника по по-

литической истории и истории взаимовосприятия культур, обязательно должна быть продолжена.

Примечания

¹ *Waugh D.C.* Seventeenth—Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Cambridge (Mass.), 1972.

² *Schibli R.* Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty): 1600—1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. Bd. 29. Bern, 1988.

³ *Maier I.* Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600—1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittell russischen Syntax. Uppsala, 1997 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 38).

⁴ *Кобзарева Е.И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

⁵ *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.

⁶ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М., 1997. С. 90.

⁷ *Кобзарева Е.И.* Известия о событиях в Западной Европе... С. 178.

⁸ *Мерзанова А.В.* Дипломатические отношения России и Священной Римской империи германской нации во второй половине XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 28, 36, 64; *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677—1681 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 68.

⁹ Вести-Куранты. 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / Изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин; под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009; Вести-Куранты. 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг. Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам / Исслед. и подгот. текстов И. Майер; отв. ред. В.Б. Крысько. М., 2008.

¹⁰ См. подробнее: *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия...

¹¹ Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 80. Примеры использования: РГАДА, ф. 32, оп. 1, 1697 г., д. 9, л. 58; д. 27, л. 5 об. и др.

¹² В 1698 г. русский посол П.Б. Возницын смог заявить о преимуществе своего монарха перед польским королём только на основании того, что польские посланники два раза нанесли ему визит первыми. Данным аргументом он обосновывал требование о предоставлении ему более почётного места на предстоящем конгрессе (Гуськов А.Г. Россия на Карловицком конгрессе 1698—1699 годов // Россия на международных форумах XV—XX вв. (Очерки) (в печати).

¹³ Шамин С.М. Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 107—111; Корнила-

ева И.А., Кузнецова А.В., Шамин С.М. Неизвестный перевод грамоты папы Климента X в РГАДА // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 5(5). С. 127—149; Рыков Ю.Д., Шамин С.М. Новые данные о бытовании переводного известия о венгерском небесном знамении 1672 г. в русской рукописной традиции XVII века // Историография, источниковедение, история России X—XX вв.: Сборник статей в честь С.Н. Кистерева. М., 2008. С. 263—308; Королёв А., Майер И., Шамин С. Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4(38). С. 108—121.

¹⁴ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 67.

¹⁵ См., например: Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017.

Никита Комочев

Рец. на: Насельники Оптиной пустыни XVII—XX веков: Биографический справочник / Сост., вступ. статья иером. Платона (Рожкова). Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. 808 с., ил.

Nikita Komochev

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Nasel'niki Optinoy pustyni XVII—XX vekov: biografitcheskiy spravochnik. Koselsk, 2017

DOI:

Рецензируемое издание стало событием для всех, интересующихся историей Введенской Оптиной пустыни и русского монашества. По своему содержанию книга исключительна и найдет мало аналогов, поскольку задача выявления биографий всех монахов, подвизавшихся в Оптиной пустыни и принявших сан с начала существования обители до революционных событий 1917 г., сама по себе чрезвычайно трудоёмка и требует многолетнего труда.

В справочнике представлены биографии 3 052 персоналий: от первого известного игумена обители Сергия (скончался в 1625 г.) до последнего дореволюционного насельника монастыря схиигумена Павла Драчева (скончался в 1981 г.). Каждый биографиче-

ский очерк основан на архивных материалах, хранящихся в Отделе рукописей РГБ, РГАДА, ГА РФ, РГИА, РГАЛИ, РГВИА, Отделе письменных источников ГИМ, ЦГА Москвы, Центрального муниципального архива г. Москвы, ЦГИА, Архива Оптиной пустыни, ЦА ФСБ, государственных архивов Брянской, Владимирской, Калужской, Курской, Липецкой, Нижегородской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Свердловской, Томской областей, Забайкальского края, республик Карелия, Мордовия, Татарстан, архивов братства прп. Германа Аляскинского и Свято-Троицкого монастыря (США) и др. Учитывались также опубликованные источники, справочники и научно-исследовательская литература. Ссылки